

«Отсутствие субъекта» в философии постмодернизма (на примере концепций Ж. Бодрийяра и М. Фуко)

"The absence of the subject" in postmodern philosophy (on the example of the concepts of J. Baudrillard and M. Foucault)

Кудрин С.К.

Аспирант направления «47.06.01 Философия, этика и религиоведение»;
Санкт-Петербургский государственный университет
e-mail: ward_93@mail.ru

Kudrin S.K.

Postgraduate student of direction «47.06.01 Philosophy, ethics and religious studies», Saint-Petersburg State University
e-mail: ward_93@mail.ru

Соснин В.А.

Аспирант направления «47.06.01 Философия, этика и религиоведение», Пермский государственный национальный исследовательский университет
e-mail: vladimir.sosnin2012@yandex.ru

Sosnin V.A.

Postgraduate student of direction «47.06.01 Philosophy, ethics and religious studies», Perm State National Research University
e-mail: vladimir.sosnin2012@yandex.ru

Аннотация

В статье представлен анализ позиции постмодернистской мысли о проблеме субъекта. В качестве объекта исследования берутся концепции Жана Бодрийяра – «объект без субъекта» и Мишеля Фуко – «смерть человека». Демонстрируются ключевые положения этих концепций, выделяются те моменты, которые отличают от прочих концепций субъекта. Указывается, что в постмодернизме берет свой исток философия субъекта В. Декомба, но, несмотря на то что французский мыслитель теоретически развивает идею М. Фуко о «конце человека», однако он использует иную методологию – подход аналитической философии – для решения проблемы субъекта – грамматический метод.

Ключевые слова: философия субъекта, постмодернизм, антисубстанционализм, «отсутствие субъекта», Жан Бодрийяр, Мишель Фуко, «объект без субъекта», «смерть человека», Винсент Декомб, грамматический метод.

Abstract

The article presents an analysis of the position of postmodern thought about the problem of the subject. The concepts of Jean Baudrillard – "an object without a subject" and Michel Foucault – "the death of a man" are taken as the object of research. The key provisions of these concepts are demonstrated, and the points that distinguish the subject from other concepts are highlighted. It is pointed out that the philosophy of the subject V. Descombes originates in postmodernism, but, despite the fact that the French thinker theoretically develops the idea of M. Foucault talks about the

"end of man", but he uses a different methodology - the approach of analytical philosophy - to solve the problem of the subject — the grammatical method.

Keywords: the philosophy of the subject, postmodernism, antisubstantialism, "absence of the subject", Jean Baudrillard, Michel Foucault, "object without subject", "death of man", Vincent Descombes, the grammatic method.

История концепта субъекта и ее адекватное понимание являются необходимыми условиями для решения проблемы субъективности. Тема субъекта многие века волновала философов западного мира, где важной вехой является Новое время. В западной философии до начала XXI в. по проблеме субъекта существовали две диаметрально противоположные точки зрения – «присутствие субъекта» (субстанционализм) и «отсутствие субъекта» (антисубстанционализм).

Идея «Присутствие субъекта» возникает в философии Нового времени. Субстанционализм – это такое рассмотрение субъекта, когда он выступает как субстанция, т.е. как то, что существует само по себе, не нуждаясь для своего существования в чем-либо другом. К представителям субстанционализма можно отнести Рене Декарта (1596–1650), Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716) и др.

Однако, в данной статье, исследовательский интерес будет направлен на ключевые принципы антисубстанционализма. В свою очередь, «Отсутствие субъекта» (антисубстанционализм) может быть определено как отношение к проблеме субъекта, которое утверждает, что субъект есть лишь иллюзия, поскольку в реальности он не обладает теми атрибутами, которые принято ему предписывать. Стоит уточнить, что в постмодернизме критикуется, вплоть до отрицания, конкретный субъект Новоевропейской философской традиции – субъект *Cogito*, которого принято наделять двумя атрибутами – транспарентностью и суверенностью.

В данной статье будут рассмотрены две наиболее репрезентативные работы по проблеме субъекта в рамках постмодернизма: «Фатальные стратегии» [1] Жана Бодрийяра и «Слова и вещи» Мишеля Фуко [2]. Взгляды двух философов, хотя и принято объединять в группу антисубстанционалистов и постмодернистов, но в отношении к рассматриваемой проблеме они весьма различны, что будет заметно при их последующем описании.

Если давать общую характеристику рассматриваемому течению, то можно согласиться с его дескрипцией, данной В. Декомбом. Так, французский философ, описывая взгляд постмодернистов на субъект, заявляет, что они пытались демистифицировать субъект, трактовали его как «оптическую иллюзию» или «порождение акта коммуникации» [3, с. 6].

В «Фатальных стратегиях» Бодрийяра используется классическая гносеологическая схема – бинарная оппозиция «субъект / объект», при этом ключевое значение в паре придается второй категории – объекту, который несет в себе не только теоретико-познавательный смысл, но, самое важное, обладает онтологическим статусом.

Вводя читателей в рассматриваемую тему, Ж. Бодрийяр пишет: «Субъект может лишь желать – только объект может соблазнять» [1, с. 161]. Соблазн, по Бодрийяру, первичнее желания, тем самым, «все исходит из объекта и все возвращается к нему [1, с. 162]», ибо все исходит из соблазна, а не из желания. Он управляет желанием, играет с ним, пытаясь сделать так, чтобы осуществить его, тем самым его умертвив. Таким образом, у Бодрийяра возникает верховенство объекта перед субъектом.

Французский мыслитель констатирует: «Субъект не может поставить на кон ни собственную уязвимость, ни свою собственную смерть по той простой причине, что он был выдуман в попытке защититься от них, наряду с соблазнами, которые могли бы повлечь за собой гибель» [1, с. 163]. Однако, при этом, субъект стремится к самосбережению. Согласно Ж. Бодрийяру, это неразрешимое противоречие, именно поэтому позиция субъекта стала просто неосуществимой [Цит. по: 1, с. 163]. В таком парадоксальном случае, единственно

возможной позицией становится позиция объекта, единственно возможной стратегией – стратегия объекта [Цит. по: 1, с. 164]. Данная стратегия заключается в том, что объект не верит в собственническое желание, он не существует благодаря иллюзии собственного желания, а также у него нет своего желания [Цит. по: 1, с. 164]. Объект начинает властвовать над субъектом.

В связи с формированием стратегии объекта, Бодрийяр вводит концепт – «злой дух объекта». Под «Злым духом объекта» подразумевается, что объект активно действует на субъект в момент исследования, имея возможность вводить в заблуждение последнего, не желая, чтобы его анализировали и исследовали. Такая стратегия объекта наиболее заметна, по наблюдению Бодрийяра, в гуманитарных науках, хотя и в естественных науках она имеет место быть [Цит. по: 1, с. 116-117]. В гуманитарных науках «любая позиция субъекта анализа характеризуется относительностью и неопределенностью» [1, с. 115], при этом же объект имеет приоритетную роль, поскольку он является предметом анализа [Цит. по: 1, с. 115]. Тем самым, согласно Бодрийяру, объект не подчиняется предписываемым ему законам, хотя и может быть использован в расчетах, но остается неизвестным, как неизвестны и правила, по которым играет он, изменяющиеся чуть ли не каждое мгновение [Цит по: 1, с. 269].

Можно подытожить, что Ж. Бодрийяр является открытым антисциентистом. Данный факт наиболее ярко проявляется в следующем фрагменте: «Однажды субъект обнаружит, что его соблазняет его же объект, что вполне естественно, и снова окажется во власти "кажимостей" – это лучшее, что может случиться и с ним, и с наукой» [1, с. 115].

«Объект вовсе не невинен, он существует, и он мстит» [1, с. 129]. Месть объекта заключается в его неуловимости для субъекта. Наука, считает Ж. Бодрийяр, «всегда уверена в соучастии своего объекта», она явно «недооценивает его» [1, с. 130]. А в это время, пока наука «уверена» во взаимодействии субъекта и объекта, объект «смеется» над субъектом, уверенным в том, что тот знает что-либо о нем. Знание об объекте тут представляется иллюзией.

Бодрийяр вводит понятие чистого объекта. «Чистый объект – это то, что исчезло с горизонта субъекта», что никак не взаимодействует с ним. «Вторжение чистого объекта инвертирует все отношения: объект приобретает всю силу субъекта» [1, с. 198].

Объект фатален, от него невозможно уйти, как и невозможно скрыться. «То, чего невозможно избежать – ... ироническое присутствие объекта, его безразличия и безразличных связей, его вызова, его соблазна, его непокорности символическому порядку» [1, с. 260].

Объект неуловим для субъекта, так как изменения, «юркость» объекта для субъекта не могут стать ясными. При этом объект не отражает субъект, не копирует, не заменяет его, у него «своя игра» и своя тактика, которую не знает субъект, поскольку она преисполнена иронии [Цит. по: 1, с. 261-262].

Все, что нам остается, заключает Бодрийяр, – это «перейти на сторону объекта, с его эксцентричными и вычурными эффектами, с его фатальными последствиями, и встать на его сторону. Отыскать иное правило, другую аксиоматику. Нужно просто очертить эту иную логику, развить эти иные стратегии, предоставить полную свободу объективной иронии» [1, с. 271].

Что же касается субъекта, то в чистых событиях (фатальных) он «сам является уже не словом. А вещью и функционирует по воле вещей» [1, с. 222-223].

Концепция объекта без субъекта Ж. Бодрийяра может быть сопоставлена с концепцией пост-событийного субъекта: субъекта без объекта А. Бадью [4], «бессубъектного» объекта Ж. Делёза [5]. Объект без субъекта Бодрийяра находится на полпути к пост-событийному субъекту, иными словами, Ж. Бодрийяр, не отказываясь от субъект-объектного противопоставления, тем не менее пытается полностью аннигилировать одну из сторон бинарной оппозиции – субъекта, дабы полностью раскрыть онтологию объекта во всей красе,

который встает на место субъекта.

Мишель Фуко, в отличие от Жана Бодрийера, не использует классическую бинарную оппозицию субъект / объект в своем произведении «Слова и вещи». Он рассуждает ни о субъекте, ни об объекте. Он размышляет о человеке, но о человеке как эпистемологическом концепте. Нужно зафиксировать, что анализ Мишелем Фуко концепта «человека» представляет собой образец «классического» структуралистского решения, которое основывается на исследовании исторической реальности, «порождаемых структур».

Человек, по мнению М. Фуко, «вплоть до конца XVIII века не существовал. Человек – это недавнее создание, которое творец всякого знания изготовил своими собственными руками не более двухсот лет назад» [2, с. 398]. Ж. Делёз, комментируя понятие «человек» у Фуко, пишет, что есть связь между силами и формой, составленной из этих сил. Например, два века назад появилась форма «Человек», что следует из того, что человеческие силы вступили во взаимодействие с другими. Форма «Человек» составлена так же, как и форма «кремний» (углерод), «космос» (мир) [Цит. по: 6]. Человек для Фуко – это, прежде всего, концепт, который был создан в эпистемологии в определенную историческую эпоху, и когда соотношение между силами и доминирующей формой, которая из этих сил складывается сменится, то конец человека близок, и тогда он может исчезнуть, как «исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [2, с. 487].

«...человек не является ни самой древней, ни самой постоянной из проблем, возникавших перед человеческим познанием [...], как показывает археология нашей мысли, человек – изобретение недавнее. Вовсе не вокруг него и его тайн издавно ощупью рыскало познание» [2, с. 487], – утверждает М. Фуко.

По мысли французского философа, человек подчинен жизни, труду и языку [Цит. по: 2, с. 404]. Жизнь, труд и язык предшествуют человеку. Они представляют собой трансценденталии человеческого бытия, в которых и с помощью которых он появляется. Они существуют до него и человек, признавая этот факт, таким образом, осознает свою конечность и внешнюю детерминированность. Конечный и детерминированный внешним человек уже не может быть субстанцией – субъектом *Cogito*.

Мышление такого человека проходит не только в рамках *cogito*, но и захватывает все то, что в этом акте не может быть схвачено – немислимое. Современное *cogito*, как считает Фуко, придает наибольшую важность промежутку между *cogito* и немислимым, ибо в нем раскрывается само мышление как оно есть. Мишель Фуко характеризует современное мышление, говоря о том, что в наше время необходимо помислить немислимое. Сегодня мышление человека напрямую связано с попытками постичь непостижимое, дойти до истины «в себе» в форме «для себя»; каждый старается снять с себя отрешенность от мира, примириться с собственным внутренним миром, углубиться в собственное Бессознательное, сняв с него завесу неопределенности. М. Фуко добавляет, что в современности мышление возможно только без человека: «В наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где уже нет человека. Пустота эта не означает нехватки и не требует заполнить пробел. Это есть лишь развертывание пространства, где наконец-то можно начать снова мыслить» [2, с. 437-438], что означает, что мышление, по мнению Фуко, может развертываться само по себе.

Пробуждение от антропологического сна происходит вследствие того, что «право помислить одновременно и бытие языка, и бытие человека навсегда исключено, между ними существует неизгладимый разрыв (в котором, собственно, мы и существуем, и говорим)» [2, с. 434].

Далее М. Фуко констатирует, что в его время (1966 г.) наступает конец человека (связь с Ф. Ницше, который в XIX в. спрогнозировал смерть бога). Между смертями бога и человека есть связь: последний человек убил бога. Как резюмирует Мишель Фуко: «Таким образом, последний человек одновременно и моложе, и старше, чем смерть бога; поскольку бога убил именно он, он и должен нести ответ за свое конечное бытие; однако, поскольку именно в этой

смерти бога он говорит, мыслит и существует, то, значит, и само его убийство обречено на смерть; новые и старые боги уже вздувают Океан будущего – человек скоро исчезнет» [2, с. 485-486].

Так как человек умирает, то философия заканчивает свой период существования в силу того, что бытие языка полностью перекрывает бытие человека. Конец философии – значит конец человека, который мог осмысливать себя в ней, делать себя современным, следовательно, философия теряет свою легитимность, становится не нужной. Французский философ констатирует: «В наше время тот факт, что философия извечно и поныне находится на пути к завершению, что, быть может, именно в ней, а еще того более за ней и вопреки ей – в литературе и формальной рефлексии – возникает вопрос о языке, несомненно, уже доказывает, что человек находится на пути к исчезновению» [2, с. 486].»

Язык, который обретет единство, по мысли Фуко, заменит человека, ибо тогда человек будет лишь проводником дискурса. «Разве человек, возникший в тот момент, когда язык был обречен на рассеивание, не должен сам рассеяться, когда язык воссоединится вновь? [...] Не следует ли признать, что поскольку язык появился здесь вновь, то человек должен вернуться к тому безмятежному небытию, где его некогда удерживало всевластное единство Дискурсии?» [2, с. 486-487] – вопрошает Мишель Фуко.

По мнению французского мыслителя: «Человек был фигурой между двумя способами бытия языка; или, точнее, он возник в то время, когда язык после своего заключения внутрь представления, как бы растворения в нем, освободился из него ценой собственного раздробления: человек построил свой образ в промежутках между фрагментами языка» [2, с. 487].

Концепция субъекта М. Фуко может быть сопоставлена с концепцией становления субъекта в отечественной философии марксизма (Э.В. Ильенков, Ф.Т. Михайлов) [7;8]. Она также показывает зависимость человека от труда, хотя и отрицает становление его субъектом с помощью него, к тому же, понимает труд иначе, чем в советском марксизме.

Свой исток философия субъекта Винсента Декомба теоретически берет из постмодернизма, в особенности, из концепции «конца человека» М. Фуко, но не пользуется его методологией. Аналитические методы (подход аналитической философии (грамматический метод)) – различные способы анализа языка (логический, синтаксический и т. д.) – используются В. Декомбом для раскрытия концепта субъекта. Прояснение языка и обнаружение субъекта в нем для философии практического действия – основное направление теории этого французского мыслителя.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Фатальные стратегии. – Москва: РИПОЛ классик, 2017. – 288 с.
2. *Фуко М.* Слова и вещи – Москва: Прогресс, 1977. – 488 с.
3. *Декомб В.* Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица. – Москва: Новое Литературное Обозрение, 2011. – 576 с.
4. *Бадью А.* Манифест философии. – Санкт-Петербург: Machina, 2012. – 190 с.
5. *Делёз Ж.* Складка. Лейбниц и барокко. – Москва: Издательство «Логос», 1997. – 264 с.
6. *Делёз Ж.* Переговоры. 1972-1990. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/del_per/03.php (дата обращения: 18.07.2019 г.)
7. *Ильенков Э.В.* Философия и культура [Электронный ресурс]. – URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/phc/index.html> (дата обращения: 18.07.2019).
8. *Михайлов Ф.Т.* Загадка человеческого Я. – Москва: Политиздат, 1964. – 270 с.